№ 13

СМЕХАЧ

ИЮЛЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 53а. Тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
в Ленинграде.

НЕИЗЛЕЧИМЫЕ

Рис. В Козлинского

— Э-эх! В Москве за это время: Коминтерн... Профинтерн... Комсомол... Ким... Мопр... А ты — сиди тут у какой-то лужицы! Врачи... Много они врачи, понимают! Может, для моей комплекции Коминтерн лучше всякого моря!

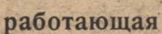
ПАРТИЯ

Рис. Б. Антоновского.

работающая в три смены.

ОМОЛОЖЕНИЕ

Несколько уже устарела эта тема — омоложение. Но вчера один профессор-специалист, — знаменитый, знаток, — доказывал мне, что Штейнах—ерунда и Воронов—тоже.

А был у меня приятель. Хороший человек. Лет сорока пяти. Солидный, серьезный человек, — ну, вот, как я, — такой-же толстенький, лысенький. И почтенный до-нельзя. Все книги читает и статьи пишет. Прямо безнадежно...

Вдруг — в порядке партпереброски, а партпереброска такая иногда бывает неожиданная, что только руками разведешь—перебросили его в комсомол. Да, да, — в комсомол, — к юнцам...

Вынырнул он через год откуда-то, из комсомольских каких-то дебрей, явился—я его и не узнал даже. Преобразился человек Совсем не тот, не прежний, куда почтенность делась! И совсем он не толстенький и не лысенький. Песни поет, кувыркается, прыгает.

— Что такое?

— Омолодился.

— То-есть, как же?

— Да очень просто: в комсомол погрузился—омолодился.

Вот способ верный!

Ну, тут в этом случае, который я вам сейчас рассказал,— в случае с моим приятелем, — тут—*один человек*. Погрузился— и омолодился. Это что! А вот:

— Весь флот наш военный в комсомол погрузили—и омолодили.

— Это—чудо!

— От флота нашего такой юной бодростью веет!

Поехал я на прошлой неделе на линкор „Марат“ с группой делегатов КИМа..

Линкор „Марат“ — это, ведь, „Петропавловск“ бывший. Во время кронштадтского восстания совсем почти уничтожен был „Петропавловск“. Расколошматили его совсем почти вдребезги. А сейчас—посмотрите, — как окомсомолился! Красавец восемнадцатилетний!

Спутник мой, молодой англичанин, коренной моряк. Я же человек глубоко сухопутный—ничего в морских делах не понимаю. Спутник мой мальчишкой еще в юнги пошел на английский дредноут,—до унтер-офицера чуть-чуть не дослужился, выгнали за коммунизм. Он все морское хорошо понимает,—а тут на „Марате“, ничего ему непонятно, все меня расспрашивает:

— Это кто?—указывая глазами на командира.

— Это командир, товарищ Раль.

— А он. .э...э... из наших, или... как вы это называете, спец?

— Спец. В царском флоте капитаном первого ранга был.

— Первого ранга?! Такой молодой!

— Да он, в сущности не такой уж молодой. Он только... как бы это вам сказать?—в комсомол погрузился.

— А матросы у вас, как у нас юнги. Совсем мальчишки.

— Весь флот у нас такой.

— Какой „такой“?

— Да такой... ну,—маль... мальчишеский.

А когда уходили мы,—сказал мне мой спутник:

— У вас дредноут самый большой двенадцатидюймовый, а у нас — восемнадцатидюймовый. А все-таки, знаете, — у вас как бы двойная броня...

— Двойная броня!

— Броня—ну, просто броня, стальная. И еще другая броня: молодость коммунистическая.

Что мы делали на „Марате“? Мы предавались молодости. Мы шалили, как мальчишки. И как девчонки.

Весь корабль сверху до низу, все шесть этажей,—и все палубы, и капитанский мостик, и башни, и обрезы, и нос, и корму, и... вообще, все, что бывает на корабле,—я, извините, всех слов не знаю,—все наполнили мы молодым шумом, криком, визгом девичьим, хохотом, улыбками, говором разноязычным, беготней, безумием, беснованием молодости.

Над нами стояло солнце, как гигантский костер. Небо нежно-голубое. И кругом море, и от моря бодростью веет и силой.

И еще был у меня спутник—англичанин пожилой, пасмурный. Не КИМ, а Коминтерн. Почему пасмурный? Потому, что он плотник, потерял работу, ему 47 лет, у него жена и восьмеро детей, взрослые дочери—а это ужасный расход... Сидит англичанин пасмурный, на палубе на стуле, молча смотрит, что творится кругом—безумие юное. И вдруг улыбнулся англичанин, вскочил со стула, трубку бросил под стул, пиджак снял — под стул, — вдруг захохотал, упал с размаху на земь, перекувырнулся, еще перекувырнулся (гром аплодисментов), — и забегал вдоль палубы на руках—ноги кверху... Забегал, засеменил руками, такой смешной добрый дядя...

Гром аплодисментов. Браво! Браво! Дядя Джон окомсомолился! Омолодился!

А. Меньшой

МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНКЕТ

В связи с пересмотром, в социальном отношении, состава служащих учреждений.

I.

Я родился на окраине города. На самом краю оврага. Родители мои были до того бедны, что я родился совершенно голым. Мои родители в свое время также родились совершенно голыми.

Моя мать кормила меня снятым молоком, так как все свои сливки продавала по нужде барчуку, к которому ее взяли кормилицей. Барчук буквально сосал ее пролетарскую грудь и высасывал из нее все соки: сразу виден был будущий помещик и эксплоататор.

Двух лет от роду я отказался снять с головы чепчик, при исполнении военным оркестром „боже, царя храни".

Пятилетним мальчиком, при игре в „казаки и разбойники", я предпочитал быть разбойником, нежели казаком.

В семь лет, увлекаясь собиранием марок, я собирал марки только красного цвета

В десять лет, я пел все революционные песни так, чтобы никто не слышал, но в груди моей горел факел революционного протеста.

С десятилетнего возраста, факел этот все разгорался и разгорается до сегодняшнего дня, и сейчас, в тот момент, когда я заполняю эту анкету (4 часа 29 минут пополудни), я чувствую легкое жжение под ложечкой.

II.

Хотя я и сын генерала, но родился я еще тогда, когда мой отец был прапорщиком запаса. И если бы не было германской войны—он бы так и умер полковником. Я не считаю себя ответственным за то, что он не умер до своего производства в генералы.

Я его никогда не называл превосходительством.

Мундир его я продал недавно татарину на шапки, из чего можно усмотреть мое неуважение к царской армии.

Родился я в бедной избушке крестьянина: моя мать, катаясь в экипаже по нашему имению, почувствовала приближение родов и вынуждена была зайти в избушку, где и разрешилась мною.

Этот час, что я провел в бедной избушке, навсегда врезался в мою память и в сердце. Мои симпатии к рабоче-крестьянскому правительству зародились, несомненно, тогда же.

III.

Хотя я и сын потомственного дворянина, тем не менее еще задолго до Октябрьской революции я решил не жениться, чтобы подорвать самую идею потомственного дворянства.

И только после Октябрьской революции я женился, с заранее обдуманным намерением дать Советской Республике парочку-другую красноармейцев. И если у меня все рождались девочки, то с моей стороны никакого саботажа в данном случае не было.

Лучшей музыкой звучат для меня слова: Совнарком, Интернационал, РКП, Совхоз, Комхоз, Лепо и прочие.

Портреты вождей пролетариата имеются у меня, в дюжине экземпляров каждый. Как увижу портрет — покупаю: не могу устоять. Хочу теперь в каждой комнате, в каждом углу создать чей нибудь уголок.

Исидор Гуревич

МОЛИТВА ФАШИСТА.

Глава берлинской фашистской организации Цабель скрылся, похитив из кассы 30.000 зол. марок.

(Из газет).

**Прими, о, господи Исусе,
Благодарение раба:
С социалистами борьба
Идет в моем, фашистском, вкусе.**

**Моя душа в святом огне...
Ты знаешь: не щажу я плоти.
Пошли же, господи, и мне
Убить второго Маттеоти!**

**Чтоб родина, презрев хулу,
Могла из мрамора нас высечь...
Ну, а за кассу в тридцать тысяч
Прими особую хвалу!**

Аким Простота.

КАРТИНКИ КРАСНОЙ ДЕ ЕВНИ

I.

В годы бурных потрясений
Вздулся этот огонек—
Девятнадцативесенний
Златокудрый паренек,

Молодой
Петушок,
Золотой
Гребешок.

Батька, хмурый хуторянин,
Сыну воли не давал,
Но, грозою в сердце ранен,
Кровлю хаты проклевал

Молодой
Петушок,
Золотой
Гребешок.

Кукарекая задорно:
„Здравствуй, вольный горизонт!—
Порасширил легких горна.
И—мах-мах на ближний фронт,—

Молодой
Петушок,
Золотой
Гребешок.

За отцовым хуторочком,
На пригорке, у межи,
Под могильным бугорочком,
Сладко спит в цветущей ржи

Молодой
Петушок,
Золотой
Гребешок.

Разукрашена могилка
Детворой окрестных школ,
Здесь стоять клянется пылко
За советы Комсомол,—

Молодой
Петушок,
Золотой
Гребешок.

Василий Князев

НЕПОРОЧНОЕ ЗАРАЖЕНИЕ

(В дополнение к непорочному зачатию)

**Приложилась девка к иконе,—носом ткнулась:
— Пошли мне, матерь божия!..**

И послала матерь божия: видимо - невидимо микробов слизнула девка с иконы.

А теперь вот она, девка... И носа не осталось, чтобы в икону ткнуть...

Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде

НА ЗЕЛЕНОЙ ТРАВКЕ

**Холмогоровка „Графиня“,
Да голландский бык „Барон“,—
Вот и все, что уцелело
От помещичьих времен.**

**Их сиятельства частенько
Вместе кормятся во рву;
Пастушск корявый, Сенька—
Наблюдатель рандеву.**

**— „Почемууу?“ — мычит „Графиня“:
— „Почемууу в большом дому
Исполком хозяин ныне?
Не поймууу... Нет!... Не пой-му-у-у-у“..**

**„Бу-удет вам,“ — „Барон“ на это:
„Бу-уудет вам: момент придет,
И сторонников совета
Сам Бу-уденый не спасет!“**

**„Муу-ка, му-ка жить под гнетом
Пастушенки-батрака!
Муу-ка, му-ка по болотам
Пачкать тиною бока!“**

**„Му-у-ука“...
Бедная „Графиня“!..
„Бу-удет день“!!!
Бедняк „Барон“!..**

**Изо рва пастух дубинкой
Их сиятельств гонит вон.**

Вас. Князев.

ТРУДНАЯ БОЛЕЗНЬ.

Жаворонков лежал на кровати и считал на потолке мух, а Пузырев ходил из угла в угол и думал. Ходил он долго, морщил лоб, скреб подбородок, чесал за ухом, подтягивал на ходу брюки, — словом, по всему было видно, что человеку приходится очень туго.

— 31... 32... 47... — сосчитал Жаворонков, — ну, ты скоро?

— Подожди еще минутку... Одну только минутку... Итак твое задание такое: я должен сказать фразу максимум в сорок слов и, предполагая, что вижу перед собою крестьянскую аудиторию не употребить ни одного иностранного слова, так?

— Ну да, да, да... 48... 61... 74... Эх ты, тоже! Агитатор!

— Подожди! Умоляю, подожди! Кажется, вышло, ну-ка! Слушай!

Пузырев принял митинговую позу, ту самую позу, которую он в своей практике принимал уже миллион раз и начал:

— Дорогие товарищи!

— Пока хорошо, — отозвался Жаворонков, поворачиваясь лицом к оратору, — жарь дальше.

— Хочешь, я буду говорить о Мопре? Хорошо?

— Ладно.

— Дорогие товарищи! Хищнические аппетиты международной буржуазии...

— Стоп!

— Ну, ну, ну! Я хорошо начал.

— Двух иностранок влепил.

— Ах, какой ты! Это же понятные слова. И аппетит“ и „буржуазия“. В любой деревне желают приятного аплекита и знают, что за штука баржавуи.

— Голубь мой, не виляй хвостом, — смиренно сказал Жаворонков, — произнеси крестьянам речь без иностранных слов.

— Ни одного? — ужаснулся Пузырев.

— Пузырек, да что же ты?

— Ну, ладно, ладно. Погодь. Вот что, я буду говорить об избах-читальнях, здесь можно обойтись без иностранщины. Ну, слушай! „Дорогие товарищи!“

— Пока хорошо.

— Дальше будет еще лучше, „Культура и...

— Стой, стой!

— Ты просто придираешься. Это уж такое понятное слово...

— Пузырев, мы чем занимаемся? Тебе надо работать в дерене, ты хороший работник, но ты умеешь говорить только перед городской аудиторией. Ты хочешь научиться говорить языком деревни. Так ты же учись, учись без компромисов! Что ты будешь говорить в деревне это другое дело, но сейчас на уроках будь педантом и раз сказано „ни одного“, так ни одного.

— А сам сколько сейчас нанизал! Эх, ты! Ну, ладно. Слушай уж, но только пожайста, как я скажу „дорогие товарищи“, не перебивай меня. Это ломает мысль.

— Ладно. Молчу.

— Итак, об избах-читальнях: „Дорогие товарищи!..

— Что же стал? Верно!

— Верно-то верно, но какое слово я скажу вместо „газеты и журнала“? Подожди! Придумал! Газетина и ежемесячник!

— Дурак.

— Сам вижу, что шероховато. Вот, брат, комиссия! Знаешь что, штрафуй меня за каждое слово на копейку в пользу детей.

— Пролетишь в трубу. Я уж буду штрафовать по копейке за пять слов.

— Ну, начнем. Дорогие товарищи! Всем нам известно, что инертность не приводит к добру. Иногда определенный саботаж более простителен, чем мелкобуржуазная идеология несознательного элемента...

— Голубчик, прибавь еще словечко, чтобы я мог оштрафовать тебя на копейку.

— Неужто влепил четыре слова?

— Увы!

— Изволь. Трансцедецентнентнент... тьфу! Но, все-таки, брат! дело очень скверно... Я не могу говорить простым языком... Тсс! Тсс,

— Что?

— Тсссс! Иди сюда на цыпочках! Под окном крестьяне разговаривают!

— И о политике!

— Понимаешь! Об избе-читальне и мопре!

— Ах, чтоб тебе пусто было! Ну-ка, слушай, слушай!

Они слушали очень долго и слезли с окна только тогда, когда стоявшие под окном крестьяне пошли дальше.

— Поразительно,—воскликнул Пузырев,—ни одного словечка!

— Дддa! Одни простые слова.

— И как, брат, понятно.

— Знаешь что? Бери шапку! Ай-да за ними!

— Что?

— Ну, попросим, расскажем, небось согласятся прочитать нам лекцию.

Они выбежали на улицу и сразу догнали крестьян. Те выслушали просьбу и, маленечко подумав, согласились.

— Одну только лекцию, — попросил Пузырев.

— Этта мы могём, — скавал один из крестьян, которого все величали Ван Митричем, — это мы с радостью.

Он оставил свою кампанию и пошел за Пузыревым и Жаворонковым в их квартиру.

Там он принял позу и начал свою речь.

— Дорогие товарищи!..

— Видишь, — шепнул Пузырев, — надо говорить „товарищи!“

— Запомним!

— Дорогие товарищи! Так что Мопр. Алемент кондиферентный! Надо оный по плану рассматривать, абстрактно чтоб!

— Что вы говорите! — в ужасе перебил его Пузырев, — какие вы слова употребляете?

— Рюцкие.

— Какие к собакам рюцкие! Вы так скажите, как вы под окном объясняли мужичкам. Ведь вы там ни одного непонятного слова не употребили. Чего же вы сейчас споткнулись.

— Так то-ж, — удивился Ван Митрич, — разговор был, а вы меня речь просите произнесть.

— Ну, мы вас и просим, — произнесите речь так, как вы говорили в разговоре.

— Смеешься? — закрутив головой ответил Ван Митрич, — как же это можно! Мы брат сам-с-усам... Сколько речей слышали, везде обязательно и алементы и абстрактно. Без этого, брат, нельзя, какая же без этого речь... Начнешь говорить, а тебя все поймут? Но, это ие гоже. Это не речь...

— Вот что мы наделали, — в ужасе воскликнул Пузырев.

— Исправим, — мягко успокоил его Жаворонков, — садитесь Ван Митрич, забудьте вы про митинг и расскажите нам, на что нам нужны избы-читальни?

— С нашим удовольствием! Они значится не нужны только дураку. Ежели ты темнота и в темноте помереть хочешь, — не надо, подопри избу-читальню оглоблей и вся недолга, все равно тебе от ее польза как от козла молока, но ежели...

Долго лилось повествование Ван Митрича... Как во сне слушали его Пузырев и Жаворонков и упивались музыкой и гармонией простых и понятных слов...

Евграф Дольский

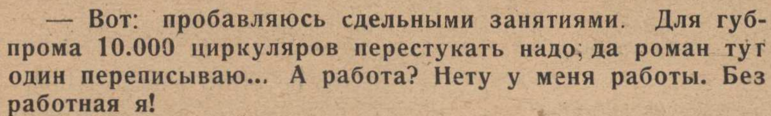
МЕРТВЫЕ ДУШИ В ЖИВОМ ДЕЛЕ

(Вклад „Смехача“ в материалы по реорганизации Биржи Труда)

Рис. Ив. Малютина

Проверка безработных на Бирже Труда обнаружила много „мертвых душ“. *(Из газет)*

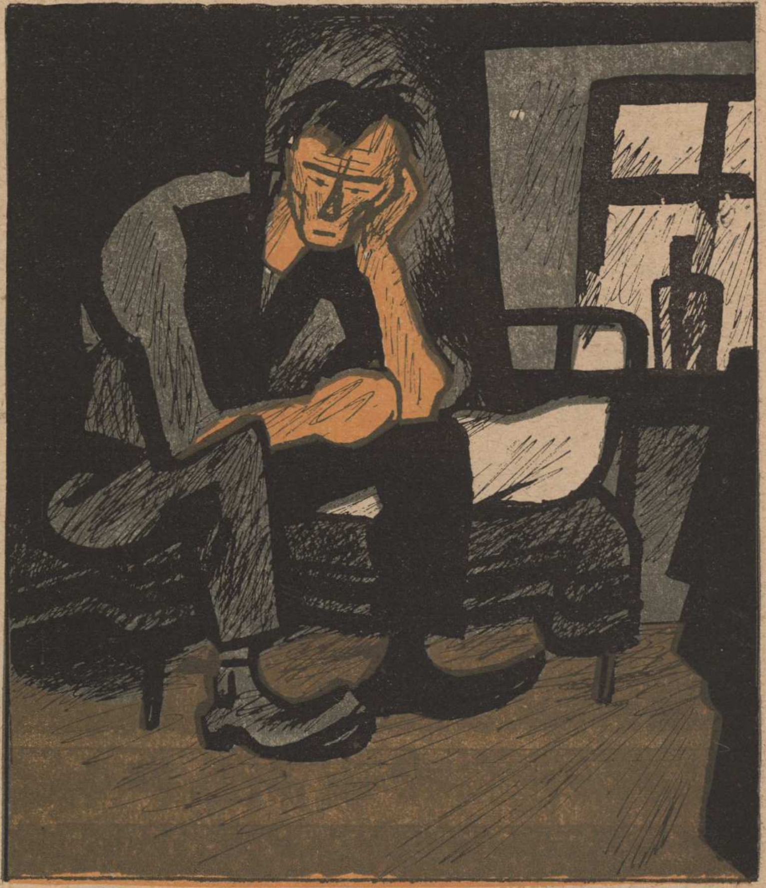
— Вот: пробавляюсь сдельными занятиями. Для губпрома 10.000 циркуляров перестукать надо, да роман тут один переписываю... А работа? Нету у меня работы. Безработная я!

— Велосипедики? Да-с. Продаю. Вот дамский могу предложить: жена ездила. Вот тэндем новейшей конструкции: для сыновей покупал. Можно с гарантией: в случае поломки, или что... От нужды, ведь, я: безработица, знаете! Вот и распродаю домашний скарб...

— Позвольте: как это не безработный! Работами руковожу?! Ну, и руковожу. Так, ведь, чужими. А своей работы—нету. Безработный с двухлетним стажем...

А вот и еще безработный. Ну, это так: просто у человека работы нет. Какая-же это безработица?!

АВГУСТ

Дача. Жарко. Нет ни кляксы
На сверкающей лазури;
Не в Наркоминделе, в Загсе
Признаются все... де-юре.

Даже ночью нету мрака,
Сверхурочно жарит солнце,
С быстротой станка госзнака
Рассыпая в пруд... червонцы,

А в пруду мальчишек тельца
Пенят с гиком воду смело;
Вот бы где могла и Гельцер
Поучиться ритму тела.

Дачник пыль метлою множит,
Подметая гравий красный;
Факт зовется чисткой тоже
Хоть К. К. здесь н. причастна.

Только вечер даль нахмурит—
Для влюбленных, что уж лучше?
Как Пильняк в литературе,
Каждый каждой есть „попутчик".

А к тому же, без заботы,
В ветках спрятавшись картинно,
Иволги выводят ноты,
Как... Чичерин иль Литвинов.

Хорошо на травке так-то
Поваляться в вольной позе
И лежать, как будто трактор
В бесхозяйственном Совхозе.

К. Шелонский.

МЕЧТЫ

— Сергей Петрович! Наша наличность?

— Четыре плаката „пьянство враг трудящихся"...

— Я о деньгах спрашиваю...

— А-а-а! Денег еще меньше: совсем нет. Вы Иван Иваныч, почему, собственно, о деньгах?

— Проект в голову пришел, но, раз нет денег, пусть уходит...

— Гм! Заношу в рубрику „неосуществимых"... По порядку 169-й...

— Слушайте! голос загорается энтузиазмом. — Мы печатаем сто миллио ов бесплатных брошюр и..

— Не по бюджету.

— Отвратительное слово!

— Мм... Не скажите. Например, бюджет самой паршивой пивной очень и очень устроил бы нашу секцию.

— Сергей Петрович!

— Что, Иван Иваныч?

— Вы... оскверняете стены! Пивная и... наша секция?!

— Не плохо. Взять бы нам бы одну бы пивную бы, и чтобы доход на секцию. А? *Пивная Моссекнаркота*! Не плохо! Сразу бы все 169 проектов...

— Сергей Петрович!!

— Что, Иван Иваныч?

— Сер-гей!! Пет-рович!!! (Пауза). А, ведь, это... идея!

— Заношу в рубрику „осуществимых": № 1-й.

В „Правде" напе атано глухо:

Секция по борьбе с наркотизмом в Москве мечтает для себя о бюджете хотя бы одной самой плохенькой пивной.

Иоганн Драт

КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ

Рис. А. Радакова

В Москве открыта зубная лечебница для беспризорных.

— Слышь, Митька, а как тут зубы дерут? Ежели с ночевкой, хорошо бы! Тогда у меня, может, на неделю хватит зубов на ночлег...

МЕДПОМОЩЬ.

Перегруженност медперсонала является велича шим злом. ***Есть приемные поко , где врачу приходится ежедне но принимать до 100 челове .***

(„Труд").

Лекпом Кондрашкин поспешно облачился в халат, открыл дверь и крикнул:

— Давай пято̀к!

Сторож Михей начальственно засуетился.

— Скидавай рубахи!.. Спущай портки, которым что показывать!.. Перво-на-перво мужики пойдут, после пято̀к бабов пустим, по очереди. Становься в затылок... Ты, который с ногой!.. Разувайся, чего охаешь?.. Вишь, очередь...

Кряхтя, мужики гуськом потянулись в приемную.

Кондрашкин ткнул пальцем в грудь бородатого мужика так, что тот покачнулся.

— Ты?..

— Чево?

— Говори.

Мужик потянул носом и нерешительно потоптался.

— Брюхо у мине... Эта...

— Покажи.

Кондрашкин подавил большой, вздувшийся живот, налил из склянки в ампулку и подал мужику.

— Пей. Ты?..

Молодой парень задрал опухшую ступню

— Ногу зашиб, пухлится чевой-то...

Кондрашкин сунул парню баночку.

— Мажь. Ты?

Старик повернул костлявое плечо.

— Тута вот ломит, все эта ломит, а к ночи эта...

Кондрашкин пихнул старику склянку.

— Растирай.

Сторож Михей просунул в дверь голову.

— Которы пользованы, выметайся, чего прохлаждаетесь?..

Михей затворил двери и строго оглядел ожидающих.

— Бабы, приготовься, которым что показывать, не задерживай... У нас живо.

Последний мужик вышел, придерживая штаны, и вслед за ним из приемной прогремел голос лекпома:

— Давай пято̀к!

Михей мотнул головой.

— Бабы, входи.

Первую бабу Кондрашкин направил в город, вторую обозвал дурой, третью прогнал вон, а четвертой сказал одно слово: компресс. Пятая баба глядела на лекпома робкими глазами.

— За нуждой ходишь?..

— Пыжусь, а тольки мутит эта и блевать тянет...

В дверях показался испуганный Михей.

— Товарищ-хвершал, первы мужик, которы с бородой, неладно с им... Пекет в нутре, свербит страсть...

— Печет, говоришь?..

— Пекёт, страсть пекет... Как бы не скапустился...

Кондрашкин взглянул на этикетку склянки, из которой наливал в ампулку мужику, и нахмурился, двинув бровями.

— Рвотного ему дай... На, снеси. Ничего, отойдет.

Кондрашкин еще раз бросил взгляд на склянку и покачал головой.

— Мда-а...

Закурил, посмотрел на часы и решительно крикнул в дверь:

— Давай десяток!

К. Мазовский

УДАРНАЯ РАБОТА

(Совершенно беззлобные стихи)

Кавецкий, Бабашкин и Громов
(Три члена трех разных месткомов),

Всю зиму читая газету,
Усердно готовятся к лету:

— Мол, летом до третьего пота
Ударная будет работа.

Вошло, скажем прямо, в привычку
Зимой проповедывать смычку.

Сомкнуться-ж на деле — на это
И создано жаркое лето.

Покинув постель спозаранок,
Знакомиться с бытом крестьянок;

Сражаться с мужицкой натурой
Физ... как ее там?.. физкультурой;

Раскидывать исподволь сети
Кулацкому гнету в совете;

Бороться наукой и знаньем
С дурманным поповским влияньем;

Ну, словом, с сознанием долга
Смыкаться всерьез и надолго!

Кавецкий, Бабашкин и Громов
(Три члена трех разных месткомов),

Всю зиму читая газету,
Усердно готовятся к лету

И вслух рассуждают про это..
И вот оно — жаркое лето!

Пришло. Распахнуло все окна.
Соткало из света волокна.

Вскудрявило травку, как волос.
Из пахоты выгнало колос...

Эй, где-ж вы там, члены месткомов:
Кавецкий, Бабашкин и Громов?

Как где-ж? Очень просто. Все знают.
Ведь лето! Они — отдыхают.

Бабашкин — в убежище, в Поти.
Кавецкий — в Ростове, у тети.

А Громову юг не по вкусу:
Отправился в Старую Руссу.

Вот к августу съедутся снова.
Кивнут головами сурово.

Присядут. Потонут в газете.
И... вспомнят о будущем лете!

. . . .

Ах, милые члены месткомов —
Кавецкий, Бабашкин и Громов!

А. д'Актиль

СТОЛИЧНОЕ

— Проводите лозунг: „Внимание местам“?

— А это смотря каким. Ежели теплым или хлебным — очень даже проводим.

ВНУТРЕННЕЕ РАВНОВЕСИЕ

— А на вашем заводе уже осуществлено трудовое равенство мужчины и женщины?

— Еще бы: сколь мужчина, например, тяжестей носит, — столь и женщина должна. У нас на этот счет строго!

СЧАСТЛИВОЕ МЕСТО

— Хорошо служить на бирже труда!

— Это почему?

— Сократят, — все равно там-же останешься.

В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ

В Селищ. у., Тверск. губ. в состав культпросвета входит знахарка.
„Тверская правда“.

Рис. А. Радакова.

— Культпросвет здеся?

— Здесь.

— Сведи меня до заведующей. Пусть даст приворотного зелья, какого ни на есть. Моченьки моей нету больше — бросила меня Палашка, смотреть не хотит, окаянная!

МАТЬ

„Помните о беспризорных детях!“

Это было недавно. Я сидел в дальней аллее парка, на скамье, испещренной надписями, слушал дремотный шум деревьев и думал о том, как хорошо было бы хоть минуту посидеть, ни о чем не думая..

Кругом ни души. Как вдруг, за спиной, на боковой аллейке, я услышал мягкие неторопливые шаги и женский голос

О! этот голос, напоенный теплом и лаской, как воздух—солнцем!

— Ну, погуляй, побегай, милая,—прошу тебя!.. Ну чего же ты стоишь на месте, бяка! Нехорошая! Упрямка маленькая!.. Как?! Ты не хочешь? Устала?! Ну, иди сюда... Иди на ручки! Ах, ты, моя крошечка! Детка моя славная! Мы устали!.. Бедные малюсенькие ножки! Они набегались!..

Ласковые слова лились без умолку, и мне стало завидно... Вот сижу, одинокий, никому не нужный, кроме квартирной хозяйки... Никто не скажет мне:

— Ах, ты моя крошечка! Иди на ручки!..

А если и скажет—неудобно пойти: всетаки, тридцать лет с хвостиком, и через день бреюсь — нет! кажется, никогда бы не решился на такой рискованный шаг...

Я грустно вздохнул, охваченный острым сожалением о том, что ушло без возврата— о детстве, о моей матери, о моих бывших „малюсеньких ножках“, облеченных ныне такую солидную обувь, что и думать смешно предложить им тряхнуть стариной и побегать по аллее парка.

Я снова прислушался к музыке голоса.

— А ты не озяб, мой цыпленочек? Нет?! какой холодный носик!..

В голосе зазвенел неподдельный испуг, и слезинка навернулась мне на глаза... Материнство! Сколько в тебе величия, любви и наивности!.. Кому же, кроме матери, придет в голову, что можно замерзнуть в 25-ти градусную июльскую жару!..

— Беги! Слышишь?! Я завязала тебе животик. Пробегись немножко и ты согреешься. Ну? Раз, два, три! Догоняй!

Слева от меня показалась прилично одетая дама, ласково улыбавшаяся и тянувшая руки по направлению к аллейке.

Я ждал, что сейчас появится карапуз на коротеньких ножках, в смешном платьице и с пухлыми розовыми щечками.

И вот он появился.

Паршивая маленькая собачонка, лупоглазая, семеня паучьими ножками, нехотя бежала к той, которая продолжала расточать жемчуг слов.

Брюхо четвероногого уродца было перевязано розовым шелковым платком.

Я напряг мозг, придумывая, что бы такое сказать этой примерной собачьей матери. И я сказал:

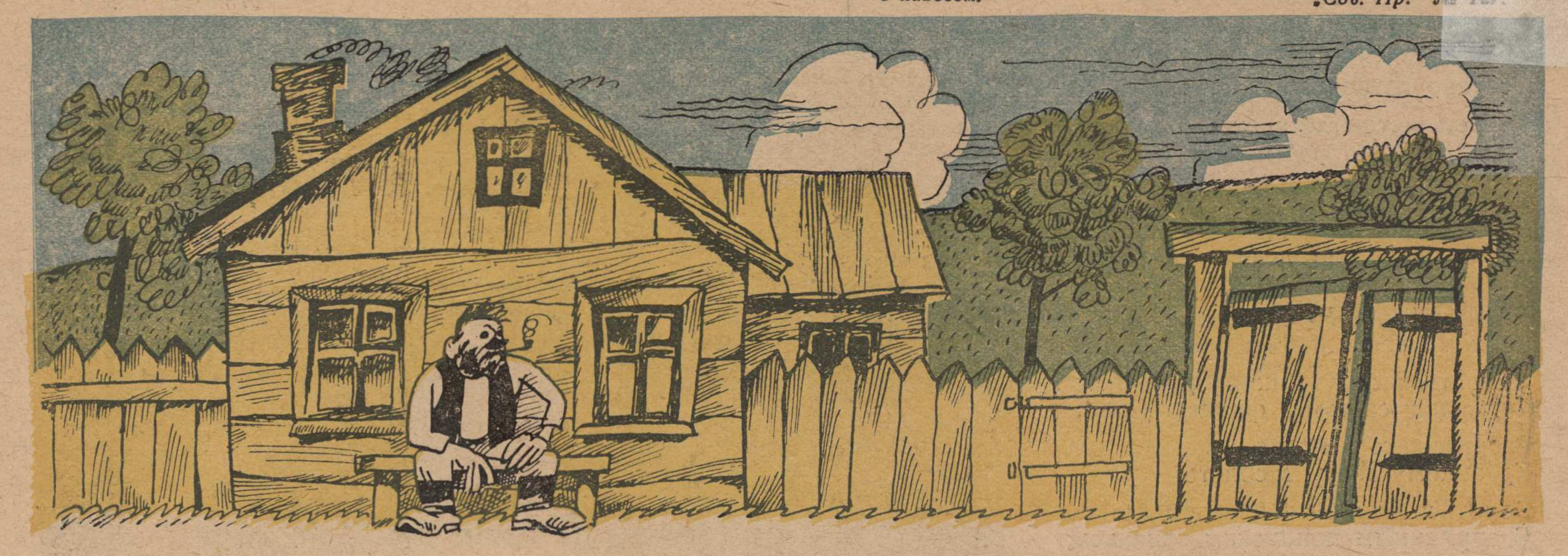
— Сударыня! Разве вы не видите, что у ребенка — дифтерит?!

Ив. Прутков.

ВСЕ МОЕ НОШУ С СОБОЙ

Рис. Б. Антоновского

На раз. Пивкино, под Челябинском, безработный Никулин, покидая казенную квартиру снял и увез казенные ворота с навесом. *„Сов. Пр.“ № 127.*

Жил-проживал безработный Никулин.

А потом взял и съехал. Оно и видно: неуютно в дому без хозяина!

ДЕЛО № 123

Пашке Самопалову везло се одня определенно: на бирже труда пропустили в два счета и сразу исполнение дали на фабрику „Светоч“. Вечером, с радости такой, загулял Пашка и никому проходу на панели не давал: а всего-то полдюжины выпил. Впрочем, он и без полудюжины недюжинным хулиганом по всему району считался. А все таки неприятность небольшая и для Пашки сегодня случилась. Одна из девченок, к которой разлетелся познакомиться Пашка, такого козла дала, что у Пашки даже нижняя губа дрогнула. И девченка-то была немудрящая — на голове платок и юбка низкая И незнакомая к тому же.

Сначала словно бы шло все по хорошему.

— Разрешите, гражданочка, — по старинке разлетелся Пашка, — как у вас насчет часов: не могите ли вы сказать сколько, например, сейчас время?

— Я вам, товарищ, не член лиги время, — и одним глазом улыбнулась даже.

— В таком случае не скажете ли, как эта улица прозывается и куда она, например, тянется?.. — Пашка даже уже боком подлаживаться стал.

— Я вам, гражданин, не справочное бюро. Оставьте меня, пожалуйста...

— Хы-хы-хы, — посмеялся Пашка и дыхнул табаком прямо ей в нос. Остановилась и голосом довольно громким начала:

— Если вы не отстанете, я позову милиционера...

Вот от этого самого у Пашки и пот на лбу выступил и нижняя губа дрогнула.

— Мили-ци онера?.. Да знаешь ли ты, с кем ты разговор имеешь?.. Да миня тут вся милиция знает! Самопалов я!.. — и даже в грудь легонечко стукнул. Себя, впрочем, только.

А незнакомка в первый угол шмыгнула и Пашка напоследки припечатал ей непечатное, да еще прикрикнул:

— Тоже, курносая!..

Всю ночь гулял Пашка. Утром надел клеш, вихры из под фуражки выпустил и пошел на фабрику „Светоч“ с исполнением. У завкома посидел на окне, ногами поболтал и с каким-то рябым рабочим побеседовал.

— Чего, как здесь у вас живется-то?

Рябой потер о колени руки и сказал:

— Ничего. С биржи что ли?

— Ага, — зевнул Пашка, — с биржи. Вот предзавкома дожидаюсь.

— Он ничего, парень справедливый. Только вот хулиганства больно не любит, — и рябой посмотрел на Пашкино декольте и вихры его. — И тебя в секции борьбы с хулиганством тоже исповедовать будут.

— Пускай их... — согласился равнодушно Пашка, а про себя подумал:

— Такое наплету, что и в три года не разберутся.

Пришел предзавкома, оглядел из под очков Пашку, словно считая сколько около Пашкиного носа веснушек вьется и так мимоходом заметил:

— Вид то у вас, товарищ, больно уж не рабочий. Впрочем, пройдите в секцию борьбы с хулиганством. Вон к тому столу. Товарищ Любимова зарегистрируйте и опросите его.

Не успел Пашка и к стол повернуться, как Любимова предзавкому ответ дала:

— Я уже зарегистрировала его вчера. Вот и дело 123 завела Первый хулиган по району. Самопалов.

А когда Пашка все-таки довернулся к столу, то и увидел, что за столом сидела курносая. Та самая. Вчерашняя. И на машинке стукала.

В. Toболяков

ОБМАНУТАЯ НАДЕЖДА.

Рис. Л. Бродаты

Международная конфедерация студентов обратилась в бюро пролетарского студенчества СССР с просьбой приехать на предстоящую в сентябре в Варшаве международную конференцию ст денчества.

— Пасюшьте! Каким образом эти пролетарские типы попали на конференцию?

— Недоразумение. Мы прочли, что в России идет усиленная чистка студентов—ну, и отправили приглашение. А они, недотяпы, возьми да самых нечищенных и пошли!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

О ЗАГАДКАХ

> Сверху вода, снизу вода, сбоку вода, кругом вода. Думаете загадка армянская. Ничего подобного—агент мостовой охраны 2-го района на Усьвинском мосту дежурит.
>
> Сапоги худые, плаща нет, в будку заходить нельзя, ничего нельзя—стой и мокни. *(Пермь, „Звезда“)*

А загадка армянская вот какая:

— В канцелярии чернила изводит, бумаги пишет, — без головы.

Что такое? Думаешь, ручка? Ничего подобного — администрация!

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„Кр. Окт.“ (№ 148) сообщает, что в Малчкине, под Сызранью, местный поп „открыл винокуренный завод“. Под молодое предприятие пока отведена баня при поповском доме. Когда дело разростется, оно перейдет в другое помещение.

В тюрьму, пожалуй.

ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ

В Вятке некто В. Силин, — местный анахорет, — предстал перед судом, по обвинению в святости. Силин держал целый гарем послушниц,—помоложе и побогаче. Всех их он принял девушками и переизнасиловал. В его келье они работали не иначе, как голыми. Силин называет это „духовным просвещением и исцелением греховной страсти“. В минуты гнева, когда женщины упорствовали, Силин жестоко их избивал. Женщины, называли его не иначе, как Илья пророк. Обильные даяния мирян Силин записывал в книгу, называвшуюся „милость божья“.

Последняя запись —7 лет строгой изоляции.

От губсуда.

ЯВЛЕННАЯ

„Вятск. Пр.“ (№ 139) рассказывает, что в с. Пустопилье Урзумского у. просвирня Домна объявила свою икону „явленной“

> „Если,—рассказывала она, —опустить край этой иконы в воду то вода получает целебные свойства и излечивает от всех болезней“.

Опустить края в воду...

Не то ли это самое, что спрятать в воду концы?

ГУСИНОЕ МОЛОКО

> В Кондрове, Калужской губ.— крестьяне приносят на рынок продавать молоко Вместо молока в крынках часто бывает самогон. *„Коммуна“ 134.*

Рис. Н. Р.

— Дайте клузецку молоцка.

— Тебе какого?

— Отец говолил, поклепце котолый...

ЖЕНСКОЕ ИМЯ

Балаковская газета „Раб. Кр. Слово“ рассказывает о том, как по новому крестили новорожденную дочь т. Ступакова.

> „Ребенка предложили назвать по новому. Предлагают — Октябрина, Гера, Германская Революция... Отец особенного согласия на эти имена не высказывает“.

Чудак папаша. Такое хорошее имя придумали — Германская Революция, — а он не хочет.

Но не хочет, не надо. Можно назвать девочку по другому. Например: Эстонская дипломатическая миссия или — Суконная фабрика в Ростове на/Дону.

Хотя и длинно, но звучно.

„СЛАБА ПЕРЕДАЧА“

В газете „Раб. Кр. Слово“ некий „Театрал“ пишет об искусстве хлестко и не без настроения:

> Бенифициантка (Ольга) местами была хороша, но не везде. Было мало жизни. Слаба передача...
>
> ...Переживание у последней были очень хороша во время требования показать дочь жениху, в то время когда она ушла уже к Илье.

Хорошо пишут в Балакове. Что и говорить. Ловко пишут. Жаль только, что слаба передача.

ДВА ПОЛА — ОДНА ШЕЯ

В Осташковском уезде проживает некая Екатерина. Она лечит святой водой, заговорами, травкой и божественным чтением.

Слывет святой.

На-днях она обокрала одного из своих пациентов, — стащила часы, нож и бритву.

Бритву! Зачем бабе бритва?..

Но вот недавно, по словам „Тв. Дер.“ (№ 24), святая

> сделала попытки изнасиловать одну больную женщину

Крестьяне, конечно, туда, сюда.

По зубам

> осмотрели Екатерину—оказалась она двуполой.

Вот оно, когда бабе бритва нужна бывает!

Но газета читает деревне по этому случаю культпросветительную нотацию о вреде знахарства и кончает словами:

> Надо прогнать ее (Екатерину) в три шеи.

Вот-то перехватили! Бывают у некоторых святых два пола, но чтобы три шеи — никогда!

Шея — одна.

В нее и гоните!

ПО КРЫЛОВУ

Когда-то Крылов сказал: „А вы, друзья, как ни садитесь, все-ж в музыканты не годитесь“. А вот иллюстрация к этому:

> В клубе Тимирязевской с.-х. академии процветает хулиганство. Недавно хулиганы (местная молодежь) побили „рекорд“: привязали музыканта к стулу, уронили его и сломали смычок и скрипку.

Если таких „музыкантов“ посадить года на 2 — толк выйдет.

ШАХ И МАТ

„Рабочая газета“ (148) сообщает:

> В электрическом цехе завода „Красная Этна“, в Н.-Новгороде, работает мастер некий Мильтинау. Без всякого разбора он кроет матом и ругается.
>
> Недавно нужно было сделать переключение тока с городской станции на заводскую. Эта работа опасная. И вот в то время, когда рабочий Зорин включал ток, на него набросился мастер и стал ругать. Затем он бросил в него резиновой перчаткой.

Теперь завкому надлежит поднять брошенную перчатку.

О БОЖЕСТВЕННОМ

Минская „Звезда“ сообщает:

> Ксендз-белорусс А. Сак, набравшись смелости, выступил в кафедральном костеле с проповедью на белорусском языке.
>
> Этот „мужицкий“ язык так возмутил чопорную польскую шляхту, что пробудил в ней старый панский гонор.
>
> Услышав проповедь на белорусском языке, верующие в знак протеста, покинули костел.

Расходясь, они говорили:

> „Али, прошу пана, то нияк невозможно, чтоб хлопы знали, о чем паны с богом разговаривают“.

И правильно! Еще, чего доброго, поймут и по шеям намахают!

ВЫБОРЫ СТАРОСТЫ

Рис. В. Козлинского.

— Товарищи! От группы бывших партийных, вычищенных за религиозные предрассудки, предлагаю на ответственный пост церкстаросты тов. Свечкина, как сознательного бывшего коммунара...

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

САПОЖНИК БЕЗ САПОГ

Старая истина находит новое яркое (хоть и ненужное!) подтверждение в журнале „Время“ (изд. „Лиги Времени“).

Купите № 6, — свеженький, с неразрезанными страницами, вооружитесь ножом, шпилькой или простым пальцем и, когда вы разрежете до 72-й страницы, на ней вам бросится в глаза заметка:

обрезайте журналы,—

ибо это сокращает время и сохраняет книги. Доказательство от противного!

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Начинается сказка так:

Мрачно вернувшись со службы, Хрипунов швырнул портфель в угол и отчаянно бросился *на кровать.*

(„Кр. Перец“ № 10, май 1924 г.).

Другой вариант:

Мрачно вернувшись со службы, Хрипунов сердито швырнул портфель и упал *на диван.*

(газ. „Труд“, № 110, 17 мая 1924 г.).

Кончается в „Кр. Перце“: —

Мрачно вернувшись со службы, Хрипунов... (читай с начала!).

— в „Труде“:

Без вмешательства РКИ, историю можно продолжать до бесконечности.

Нас интересует вопрос: где раньше появился Хрипунов? на кровати „Кр. Перца“, или на диване „Труда“. И не собирается-ли он упасть в кресло еще какой-нибудь газеты или журнала?

НОВОСТИ СТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Это не Арцыбашев и не Вербицкая. Это — Мадлен Маркс (Маркс?!!) в издании Госиздата (типография Коминтерна):

Безумие подуло своим красным ветром, мой зов протянулся...
Тело увеличившееся, изогнутое, раскинуло свои руки крестом...
Я почувствовала его тяжесть на мне... (?!)

В миг, когда его рычание раздалось в комнате, чтобы возвестить ужасную радость, сладострастие разорвалось во мне, заставив задрожать основы мира, зажигая плоть, грохоча, как гром, и т. д., и т. д.

А, ведь, недавно Госиздату исполнилось всего пять лет.. Увы! такой молодой и уже настолько испорченный!..

НАГЛЯДНОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Кто выдумал, что Россия неграмотна? Ерунда! Читайте в „Полесской Правде“:

ВЫЗОВ № 10.

В день, когда мне исполняется год от роду, вношу в пользу беспризорных детей 2 руб. и вызываю: Леву Любомирского, Мою Мишель—Белица и всех однолеток.

Мура Кофман.

Годовалый Мура Кофман не только вносит и вызывает, а даже печатает письмо в газете.

СТЕНОГРАФИЯ

Стенная „Театральная Газета“, в Ленинграде продолжает изумлять прохожих блестящим стилем.

Памятуя, что у семи нянек дитя без глазу, *то* при нескольких управляющих оперное дело навряд-ли расцветет.

Прохожий! Торопливо проходи мимо, по исковерканным тротуарам, угрожающим тебе поломкою ног,—и не останавливайся у стенной газеты.

Ибо——сломаешь язык.

ТОРГОТДЕЛ

Рис. Ив. Малютина

По сообщению уфимской „Вл. Тр.“ в волисполкомах с публичных торгов продается конфискованное самогонное оборудование.

— Змеевик с чаном! На 4 ведра! Самоновейшей конструкци-с! Двадцать рублей, граждане! Кто больше?

— Ишь ты: больше! А ты посудину больше дай! Чан-то Колупаевский — на шесть дворов, а у нас в Псиновке — все тридцать пять... Нешто четырехведерной конструкции хватит?!.

КОРОВЬИ ИМЕНИНЫ

В Орехове сохранился интересный обычай „пропивать помои“. Владельцы коров ежегодно осенью устраивают пьянство для соседей, а те приносят для коров корки хлеба, очистки овощей и пр. Гульба идет всю ночь. Допиваются до драки и обливания друг-друга помоями.

(Из газет).

Виновница торжества, корова Машка, стоя в хлеву, нетерпеливо поглядывала сквозь узкое окошечко на освещенные окна хозяйкина жилья, за которыми мелькали тени многочисленных гостей.

Нынче утром хозяйка Анисья Петровна, задавая Машке корм, весело толковала о предстоящей помойной вечеринке.

— Чорт ее разберет! — грустно думала корова, не понимая анисьиных слов. Впрочем, по тону голоса догадалась, что предстоит улучшение пайка, и целиком ушла в ожидание.

Несколько раз в хлев заходили гости, пальцами тыкали в коровьи бока и смеялись:

— Вот она, стало быть, именинница-то какая! Здрасте, Марья Быковна! Наше вам с огурцом десять! Жаль, самогону не обожаете, а то поднести бы за кумпанию, хе-хе-хе! А много-ль молочка отпущаете, Марья Быковна?

— Тебе бы только молоко давать, сволочь! — молчаливо досадовала корова. — Кабы не моя коровья доброта, погладила бы тебя копытом!..

Чем ближе к ночи, тем посетители делались шумливее и бестолковее. Сосед Кузьма Тяпов пожелал „облизательно поздоровкаться с именинницей за ручку“, — потерял равновесие и хлопнулся руками в самый навоз.

Долго поднимался, ругаясь, и принялся вытирать ладони о коровью шкуру.

После того уже никто не приходил, и только мелькавшие в окнах тени свидетельствовали, что там происходит нечто экстраординарное.

Но вот захлопала наружная дверь и во двор, освещенный луной, с криком посыпались гости. Они бежали, падали, ползли по земле, а в догонку летел град хлебных корок и картофельной шелухи.

Возле самого хлева гости смешались в общую кучу и катались по земле, вцепившись друг другу в волосья.

Перед коровой развертывался финал драмы завязка которой оставалась загадочной.

Разливай! Разливай их, сукиных сынов! — вопили остальные, устремляясь к месту свалки с ведрами.

— Лей, Микитыч, — господи, благослови!..

О ужас! О испытание для коровьего желудка!

Ведра опрокидывались, драгоценная помойная влага, бесцельно орошала тела и головы и стекала на землю.

— Идиоты! Стойте! Что вы делаете?! Нешто можно губить добро?! — мычала корова изо всех сил: — Хоть бы сами выпили, а не выливали!..

Но голос ее так же потерялся в общем шуме, как и помои в земле.

Воспоминание о помойной вечеринке — одно из наиболее тягостных в жизни коровы, и она всячески отмахивается от него хвостом. Но что подумала бы корова, если-б узнала, что причиной побоища явился спор: — чьи помои принесут ей больше пользы?!

S. B.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

(Французский „Омлет“)

Французское правительство в настоящий момент тщательно собирает все необходимые сведения, касающиеся тех результатов, которые признание СССР Францией могло бы иметь в международном отношении.

Рис. А. Радлова.

— Собственно, говоря... — Впрочем, если порассудить... — Да-а, при таком условии...

— Это, разумеется меняет дело... — Пожалуй, если вдуматься... — В свете ваших данных, генерал...

— Допуская правильность тех... — Допуская правильность этих... — ?!?!?!?!?!?!

ОПЫТ.

Харьковский институт труда проделал опыт борьбы с волокитой. Для исследования была выбрана административная операция, не связанная с трудно изменимой обстановкой.

(„Правда“).

Инспектор глядел на часы, и в ту минуту, когда стрелки — большая и маленькая — сошлись на цифре „12“, кивнул головой и произнес:

— Начинайте. Господи, благослови!

По этому сигналу „журналист“ Маракин с бешеной скоростью схватил пакет, обшарил его глазами, отыскивая номер, и принялся делать запись во входящем журнале.

Рука Маракина, державшая перо, то-и-дело стремительно перелетала от книги к чернильнице и назад. Перо скрипело, как рессоры вагона, бегущего под уклон.

— Посыльная! — задыхаясь крикнул Маракин, окончив возложенную на него роком часть пробной операции. — К секретарю!..

Посыльная, ухватив пакет обоими руками, нырнула в коридор. Следом за ней, поглядывая на часы, устремился инспектор.

— Сюда, сюда! — орал бежавший навстречу из противоположного конца коридора секретарь Бубнилов.

Из всех дверей высовывались лица, молодые и старые, с милыми изящными локонами и бородатые — с общим для всех выражением сознания серьезности момента.

Секретарь выхватил из рук посыльной пакет и бросился назад, распечатывая пакет на-ходу, прочитывая и бормоча:

— Так... так... С получением сего... так... уведомить... не имеется-ли в вашем распоря... одного вполне годн... Гм!.. мало держанного... Материальная часть!..

Бубнилов перепрыгнул через порог своего кабинета, отшвырнул левой ногой стул и, сдернув со стола папку „для доклада“, сунул в нее полученную бумажку, в то время, как его ноги сами собой шагали к кабинету помзава.

— Скорее! В чем дело? — озабоченно бросил выросший в дверях помзав Подъездов.

— Не имеется ли в нашем распоряжении... одного вполне годного...

Подъездов схватил бумажку, приложил к двери и в левом углу, наискосок, написал резолюцию:

„Материальн. часть. Спешно выяснить. Подъез...“ (торопливый росчерк).

— В материальную. Комната 606! — скомандовал секретарь, с быстротой молнии оказавшись у себя, за столом, и ловко перекинув бумажку делопроизводителю.

Инспектор, прижавшийся к косяку двери, чтобы пропустить стремительного делопроизводителя, спросил секретаря:

— Ну, как дела?

— Все идет нормально. Скоро последует исполнение. Бумага направлена по принадлежности, в материальную часть, пятый этаж, комната 606.

Инспектор взглянул на часы и отправился разыскивать материальную часть. Проводив его глазами, Бубнилов свалился в кресло.

— Ф-фу! — сказал он и застыл без движения, с закрытыми глазами и с печатью глубокого радостного покоя.

Между тем, бумага шла своей неумолимой стезей, перебрасываясь из комнаты в комнату, от стола к столу, из входящих — в исходящие и снова во входящие, — с той изумительной скоростью, которой могли бы позавидовать все ее входящие и исходящие предшественницы.

В 4 часа 35 минут (по местному времени) она вернулась к секретарю Бубнилову, испещренная номерами, резолюциями и справками, словно лицо — оспой.

Отдохнувший за это время секретарь поспешил в кабинет помзава, где терпеливо дожидался инспектор.

— Готово?

Помзав торжественно взял бумажку и, скользнув глазами по последней справке, передал бумажку инспектору.

— Готово. К сожалению, на складе нашего картофельтреста не имеется требуемой вещи...

Помзав радостно блеснул очками.

— Ну, что же вы скажете? Операция не заняла слишком много времени. Не правда-ли?

— Вы думаете? — многозначительно спросил инспектор, — я полагаю, что исполнение, затянувшееся на четыре слишком часа, могло последовать через пять минут.

— Пять минут?! — воскликнул помзав, не веря своим ушам.

— Пять минут?! — почтительно усомнился секретарь.

Инспектор протянул помзаву бумажку.

— Ну, да. Судите сами, — разве пяти минут не достаточно чтобы ответить, что в картофельтресте, разумеется, нет и никогда не было ни вполне годного, ни даже негодного...

Помзав и секретарь одновременно заглянули в бумажку и прервали инспектора удивленным восклицанием:

— Аэро-плана!!..

Ив. Прутков

ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В „ДОБРОСМЕХ“!

В Добролет записались? Молодцы! В Доброхим вступили? Браво! А в Добросмех?..

Как!? Вы не знаете, что такое Добросмех? Стыдно, товарищи, право, стыдно! Гражданам других стран, может, и полагается сидеть в своем углу и ничем за его пределами не интересоваться. А граждане СССР должны быть широко осведомлены.

Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Мы вас на живую руку осведомим.

Добросмех, это — лига добровольной подписки на журнал „Смехач“. Вот что это такое. А „Смехач“... Ну, если вы не знаете, что такое „Смехач“, то вы — извините — вообще, ничего не знаете.

„Смехач“, товарищи, — сатирический журнал. Первоклассный. На лучшей бумаге. В три краски. С участием виднейших сил. Издание газеты „Гудок“. А ценой — дешевле пареной репы.

Пареная репа — за тонну, ежели, — мало-мало, червяков шесть. „Смехач“ — много дешевле.

На полгода — 2 р., на три месяца — 1 р., на месяц — 35 коп.

А вместе с газетой „Гудок“: на полгода — 6 р., на три месяца — 3 р., на месяц — 1 р.

Убедились? То-то! Адрес хотите узнать? Пож-жалуйста! Даже не один, а два.

Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, Главная контора газеты „Гудок“.

Ленинград, Просп. Володарского, 53-а, Кн. Склад Ц. К. Ж. Д.

А засим — будьте здоровы! Старикам поклонитесь: товарищеский, мол, привет с подписным намерением. На полгода — 2 р., на три месяца...

Впрочем, виноваты... Об этом уже говорено. В своем месте.

ДОКУМЕНТЫ

Сильна вера русского человека в бумажку!

Ведь, вот — во все убили в нем веру. В царя, в церковь, в нерушимость брака, в святость семейных устоев. А в бумажку не убили. Не смогли.

Бумажка осталась.

Ухаживает, например, Павло Забера за Наталкой-Полтавкой. Выдает Наталка Павлу авансы в счет своей добродетели. Но где аванс, там и расписка. Юридический документ. Так-то спокойнее!

И вот „Голос Труда" (№ 153) приводит этот юридический документ.

Расписка.

Дана сия расписка гр. с. Топиловки Боровицкого района Павлом Константиновичем Заберой, гр. с. Еремеевки Золотоношского округа Наталии Ивановне Заикиной в том, что я гр. Забера обещаю исполнить свое дело, то что я обязан гр. с Еремеевки Наталии Ивановне, то-есть после велыкодня оженыця на ней на Наташке в чем и росписуюсь своеручно.

Были свидетели: *П. Забера. А. Забера. А. Оржановская. К. Буренко.*

Документ. Бумага. Ничего против нее не поделаешь! Женись, Забера!

Конечно, жениться — не воды напиться. Хлопотно. Дети пойдут. Жена забеременеет, а то и сам ты, Забера, забеременеешь...

Смеешься, Забера? Не веришь? А вот сейчас поверишь. Мне не веришь, а документу поверишь. Не может русский человек не поверить документу!

Вот прочитай „Раб. Кр.", № 151.

В Иваново-Вознесенске на фабрике служил такой рабочий, Михаил Степанович Сироткин. И вот несколько дней не являлся на работу. Пришел к нему на дом контролер: мол, почему, товарищ, на работу не выходите?

А Михаил Степанович сидит, — сапожничает. Туда, сюда... Почему, Михаил Степаныч, на фабрику не являетесь?

А тот ему — документ:

С. С. С. Р.
Р. С. Ф. С. Р.
Иваново-Вознесенская
РАЙОННАЯ
Страховая Касса.
Июля 1 дня 1924.

Справка.

Дана сия Сироткину М. С. в том, что у нее родовой период кончается 7-го июля, а посему гр. Сироткин М. С. может приступить к работе 8-го июля.

Конторщик *А. Кузнецов.*

Ошибка? Описка? Ничего подобного.

Газета поясняет:

Здесь не описка и не ошибка, ибо речь в удостоверении идет именно о Михаиле Степановиче Сироткине, а не о его жене.

И ушел контролер. Что ему, контролеру, возразить можно? Ничего нельзя возразить. Документ! Бумага!

А вот и еще случай.

В Ногинском Сельсовете уборщица есть. Павлова, Клеопатра Ивановна. Тут-же и живет при Сельсовете.

А в Ногине так все заведено, чтобы, как говорится, именно, по порядку. А почему? А потому: что написано пером, того не вырубишь топором.

Тот же „Раб. Кр." приводит документ по вопросу о мытье полов.

Р. С. Ф. С. Р.
НОГИНСКИЙ
Сельский Совет крестьянск. депутат.
Ногинск. в., Серед. у.
22 апреля 1924 г.
№ 6.

Гр-ке Павловой Клеопатре Ивановне.

Ногинский Сельсовет предлагает вам примыться в здании Исполкома в обоих комнатах завтра. За неисполнение вами настоящего будут приняты меры к удалению из квартиры.

Председатель *Захаров.*
Член РКСМ *Д. Бунин.*

Предписание!

Так вот и живет — вчерашняя Русь, сегодняшний СССР.

Предписание — расписка — справка — отношение — командировка — мандат — постановление...

Документальная жизнь, чорт ее подери!

НОВАЯ МОСКВА

Рис. И. Малютина

— Постой! Не бросай! Чего зря посудину-то гадишь? Земли тебе мало, что-ли?

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

— Передайте т. Антимоновой, что она проявляет недостаточную активность и оторвалась от масс.

— Помилуйте, — она неделю назад двойню родила!..

ВОКРУГ ЯРМАРКИ

— Что нового в газете?

— Насчет предстоящего открытия Нижегородской ярмарки пишут.

— Хе! Подумаешь! Новое открытие! Я о нем еще в довоенное время читал!..

ПО СУЩЕСТВУ

Актеатры... Акактеры...
Акискусство...
Приставка „ак" — всему основа —
Сначала пишется в словце.
Но вот — „дурак": простое слово...
А почему-ж она в конце?

А. Н.

НА КУРОРТЕ

— Говорили, здесь усиленное питание, а всю ночь клопы поедом ели.

— Так, может, здесь для клопов усиленное питание.

ХУДОЙ МИР

— Что вы скажете о мире Тихона и Красницкого?

— Ну какой же это мир: два десятка старух!

СИЯТЕЛЬНЫЕ САНКЮЛОТЫ

— Что это наши монархисты в Сербии, за последнее время, черезчур уж распоясались?

— А это они приготовляются „положить живот на алтарь отечества".

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 10762. Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград. Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСКАРАД

Рис. А. Радакова

Вот какие маски в ходу во Франции,

в Италии,

в Америке, и —

в СССР.